

Проза

Николай ВОРОНОВ

Писать он начал рано: ещё в начальной школе сочинил свои первые стихи. Первый рассказ «Обида» был напечатан в 1953 году в альманахе «Молодая гвардия», а через два года в «Библиотеке „Огонька“» вышла первая книга рассказов «Кассирша». В 1956 году Николая Воронова приняли в Союз писателей СССР. Он был разъездным корреспондентом «Огонька», обозревателем «Литературной газеты», возглавлял литературное объединение Магнитогорска. Вышедший 1968 году роман «Юность в Железнодольске» принёс Николаю Воронову широкую известность, был переведён на разные языки.

Николай Воронов — лауреат многих литературных премий, академик Академии литературы, почётный профессор Магнитогорского государственного университета, главный редактор журнала «Вестник Российской литературы». Живёт и работает в Москве.

ГЛОТОК СОЛНЦА

Весной, когда попадешь за город, вдруг становится жаль самого себя.

Это чувство не однажды возникало в моей душе, потому я забывал и о нём, и о том, что его вызывало, и оно опять возникало и вспоминалось по весне.

То же чувство недавно пробудилось во мне, едва выплыгнул из бензиновой духоты автобуса, пыхнувшего тормозным воздухом.

Я увидел глинисто-жёлтый ствол сосны, на котором жужкала лоскутка кошки, кружащихся вороны, горланяющих восторженно и картались.

Скордо должна была отходить электричка на Москву, и я подумал, что надо торопиться, а сам всё глядел, как вороны заваливаются с крыла на крыло и отбрасывают зайчиков звонким с виду своим чёрным пером.

Возле кассы я узнал, что отправление электрички отодвигается на час: ремонтные работы на дороге — и начал скакать с рельса на рельс через шпалы, полные мазутом и нефти.

За путями голубели длинные луки. Дальше, по-над лесом тянулась поляна. Я крутيل головой, чтобы её со всех сторон омывало солнце, и глядел то на землю, из которой выкинулись ландыши, то на маленькие сосенки — из них уже выметнулись свечи, светились розово, нежно.

Под берёзами я обнаружил островок каких-то растений: гранёные стебли, лиловые цветы. Если бы не сиверко, день бы был яркий. Ветер шелестел в берёзах, попискивал в хвое, ронял мокнатые сережки осин.

Я сразу уловил, как среди лесных звуков, вызываемых сиверко, возникло это гудение: словно кто-то дёрнул струну контрабаса, и она громко дрожала.

Не рокот ли это далёкого реактивного самолёта? Спутал гудение шмеля с гудением самолёта. Вот он, шмель, вот он, голубчик, вывернулся из-за, сделал выражение над крохотным клёном, ещё

не расправившим ладошку своего единственного красноватого листочка, и мелькнул к острожку низеньких растений, нырял среди веточек, гудя деловито, глуша, на мгновение задерживаясь над цветами, вероятно, определяя по запаху, есть ли в них пыльца и некоторая нет. Над одним цветком шмель трепетал дальше обычного, сел на его чашечку, напоминающую величиной и формой чашечку ландыша, только до того стянутую внизу, что вдруг ведёт игольчато-узкое отверстие. Ухватился за эту чашечку передними лапками и запрокинулся, и, поблескивая брюшком, прижался, чтобы уткнуться в цветок, и запустил туда ботокот, и замер — так гулка припадает к стакану с вином.

После шмеля ещё гудел и петлял меж веток, по-медведки неуклюже хватался за чашечки, виснувшими вверх брюшком, сосал нектар.

То ли он устал бражничать, то ли пьяная тяжесть навалилась, он потянул низко-низко над сплены прошлогодних листьев, приземлился неподалёку, возле ландышевой пики. Он уткнулся головой в чёрный осиновый лист, закрыл ей лапами, затих и лишь изредка взмывал крыльышками, и они мерцали прожилками, и ещё мерцала тёмное пятнышко на его медных заплечниках латах.

Меж прядущими тенями берёз качалась дымка света. Как я не догадался, что шмель сел «позагорать». Ну, точно: повернулся боком к листам и застыл, и только ветер гнёт крыльышко. Повернулся задом наперёд, потом — другим боком. Греется. И всё закрывает голову лапками, будто остегрется, как бы ненароком не получить солнечный удар.

Я стоял, стараясь не шевелиться. А когда переступил и стал наклоняться, чтобы лучше разглядеть шмеля, он даже не шелохнулся — заснул.

Я снова переступил. Неудача — задел за хворостинку.

Шмель взмыл и улетел.

Я засмеялся. Он, должно быть, так перепугался спросонь, что летит сейчас над поляной со скоростью реактивного истребителя, а из травы в испуге ловят его глазами муравьи, божьи

коровки, бабочки, мушьи.

Я пошёл вдоль края леса. То, что посчастливилось наблюдать, как «загорал» шмель, отразилось на моём настроении так, будто я сделал какое-то удивительное открытие.

Из чёрно-жёлтых лёговых лап пробивалась изумрудными коготками молодая хвоя, листья осин до сих пор не расчехлились, наверху порхали перистые рабины. Всё это я видел прежде и ясно помнил, но казалось, что оно позабыто и воспринимается точно впервые.

Весна не просто повторение, она — обновление земли, воды, деревьев, трав, чувств, взгляда, надежд, нежности.

Она возвращает и обновляет твою печаль по тому прекрасному в природе, чем ты мог любоваться и что мог бы открыть для себя, но пропустил из-за привязанности к городскому круговороту жизни.

Я побродил по лесным сырьим тропинкам и, возвращаясь на станцию, прошёл мимо холмика, на котором чирикали во всё горло воробы.

Платформа пахла тёплым бетоном. Пассажиры, облокотясь о перила, созерцали бор плавущие над вершинами сосен алюминиево-синие облака.

Никто не спешил садиться в электропоезд, хотя до отправления оставалось немного времени, только в хвостовом вагоне сидела старуха с девушки.

Когда дзинянулся провод от прикосновения поднявшихся пантографов, все, кто находился на платформе, повернулись к электричке. И тут встала с места старуха. Она двигалась по вагону, придерживаясь за спинки сидений. Девушка следовала позади, расставив руки, готовая подхватить старуху.

В тамбуре девушка спросила беспокойно:

— Бабушка, ты куда?
— Глотну солнца.

Старуха остановилась в дверях вагона, вскинула в небо лицо, отбеленное годами до полноты бледности, зажмурилась и глубоко вдохнула весенний воздух.

Я побежал по платформе, чтобы сесть в головной вагон. Полоскал волосы в солнце.

Безвременник

чинки с крючочком, кораллово-красный пестик, разделённый на две части.

Давно, тоже в конце октября, я увидел такой цветок на торной тропе Карадага. Красотой он напоминал мне уральскую сон-траву, он больше походил на крокусы.

Я описал цветок седому коктебельскому садовнику, и он определил его название по народному: безвременник, по-научному колхикум. Наверно, но потому я запомнил цветок, что был он красив, а потому, что он, младенчески милый, неберегаемый, рос прямо на тропе, а не около, не в стороне от неё.

Был я этим душевно ранен.

Таня склонялась над безвременником, любовалась им, притрагивалась к нему.

Ниже, по всему дорожному спуску, безвременники встречались в колеях на отвердевшем колёсном ручике. Я обратил Танию внимание на это, да ешё и рассказал о первой встрече с колхикумами, однако она не восприняла ни моего уточнения, ни моей тревоги. В своём ласковом восторге прелестью цветов, передающей сразу взору и сердцу, она была не в силах проникнуться чем-то другим, кроме чувства счастливого восхищения.

Я сердился на Таню, не дававшую вида, потому что, неотделимо от раздражения, прибавляло желание если не понять, то хотя бы чуточку угадать, почему я, кому легко удаётся влиять на неё, теперь бессилен.

Раздражение упрямствует в нас, сводя к осуждению благородную охоту постигать. Уж я было, я собрался выговорить ей, что она не соизволила вникнуть в мои слова, да спохватился: колхикум и Таня родственны. Часто, доходя до отчаяния, я опасался, что события пройдут через неё наподобие танков. Сдавалось, те события и люди, завязанные в них, находятся в несоединимости с её чуткостью, совестью, верой, высоким милосердием. Близкие говорили, опять же и недруги, что она то поздно родилась, то рано. И в состоянии духовного смятения я соглашался с тем, будто она родилась не в ту пору.

Я остановился над колейкой. Цепочкой всходили по уклону безвременники, чисто-чистые в своей сиреневости, прозрачный до мерцания стрекозинных прожилок. Чудотворно их присутствие в низине, загубленной летним жаром и сейчас отходящей в зимнюю онемелость. Вероятно, это значит, что колхикум вырастает на дорогах и торных тропах как свидетельство того, что красота и невинность беззащитны, но возникают и осуществляются даже на окаменелой земле.

И позже, под гуды шторма в ночи, думалось: «Безвременники — цветы надежды. Безвременники к времени тогда особенно, когда над миром нависает погибельность и безвременность. Ничто из прекрасного не возникнет понятия».

Максим СТРАХОВ

Живёт в Твери. По образованию врач, преподаёт в Тверской государственной медицинской академии. Член Союза российских писателей, член Российской союза профессиональных литераторов. Лауреат литературной премии имени М.А. Булгакова, автор идеи и руководитель Тверской молодёжной литературной премии «Омоним» и ежегодного конкурса-марафона молодых литераторов «Пишу в Твери...».

Максим Страхов — автор двух сборников стихов «Нечаянный снег» и «Опыты», биографической книги «Упрямая госпожа». Готовится к изданию его новая поэтическая книга «Разночтения».

История одной болезни

Новый пациент Виктор Прокурин сразу показался мне странным. Почти не разговаривал, на вопросы отвечал односложно, проходя мимо, старался не смотреть в глаза. Обычно всё наоборот: больные пытаются поближе познакомиться с доктором, чтобы пройти расширенное обследование, а заодно подлечить и другие болезни. Виктор был совсем не таким.

Худой, мрачный и молчаливый, с каким-то тёмным цветом лица, он грустно ходил по коридору отделения, почти ни с кем не общался, перечитывал по несколько раз лежавшие на тумбочке газеты и часто курил на лестничной площадке. Именно здесь мы в основном и встречались.

Из посетителей к нему приходила только мать. Раиса Павловна, полноватая женщина лет шестидесяти с каким-то усталым выражением лица, навещала его каждый день вечером в одно и то же время. Они почему-то мало разговаривали друг с другом. Она приносила домашнюю еду, чай в термосе и очередную газету. После того как Прокурин доедал её приготовления, женщина собирала пищевые контейнеры в пакет, целовала сына в щёку и уходила. Ко мне — лечащему врачу — она не подходила, как обычно происходит в отделении, не задавала вопросов и вообще не интересовалась его состоянием. Просто сухо здоровалась, когда мы встречались в коридоре или больничной палате.

* * *

У Виктора мы выявили тромбофлебит вен правой ноги, причём уже застарелый, частично разрешившийся. Однако этот диагноз требовал тщательного обследования и предполагал консультации разных специалистов. Тем более что внешний вид больного оставил желать лучшего. От всех анализов и консультаций Прокурин отказался наотрез в первый же день.

— Доктор, всего этого не нужно. Вы просто лечите меня от этих ваших тромбов и всё. Причём тут анализы крови, мочи и всякая такая

котовасия?

— Ну как же, так положено! — удивлялся я. — Надо докопаться до истины, нужно определить причину развития болезни, а потом уже выстраивать схему лечения.

— Ничего не нужно копать и строить, — активно противился Виктор, — я просто хочу покапаться здесь, подлечиться уколами, отдохнуть, в конце концов. И всё! Я перетрудился на даче, отсидел ногу, вот она и опухла. Мне уже лучше. Прошу вас, ничего не нужно добавлять к моему лечению. Я настаиваю!

— Но почему же? — не понимал я. — Ведь это нужно в первую очередь вам, мы же хотим помочь, чтобы в дальнейшем таких проблем не возникло.

— Спасибо, уважаемый, — сухо улыбался Прокурин, — я ценю ваше внимательное ко мне отношение. Но этого не надо. Я не хочу говорить об этом. Просто послушайте меня и всё.

Ещё: ничего не говорите обо мне моей матери. Очень вас прошу...

— Да я и не знаю ничего, вы же не даёте нас слушать...

— Вот и хорошо, — чуть мягче улыбнулся Виктор и добавил, — спасибо вам, не стоит так обо мне заботиться. Право, это лишнее. Извините, я сегодня устал отчего-то, хочу подремать. Да и вам отдохнуть нужно — впереди полно дня.

Подобные разговоры возникали у нас несолько раз. В итоге я устал его уговаривать и просто приходил в палату, чтобы измерить давление и узнать о самочувствии. Так прошло почти две недели, и я с тяжёлым чувством на душе уже определил дату выписки. Странный пациент, почти не контактный, он с каждым

непонятное нежелание принять помощь меня обескураживало, разочаровывало и злило. Но против его воли действовать не мог.

За два дня до выписки Прокурина мы встретились в курилке. Он глубоко втягивал в себя густой сигаретный дым и как-то безразлично смотрел в окно. Увидев меня, выходящего на лестничную площадку, он дежурно кинул головой и вновь уставился в окно. Мимуны просто молчали. Потом я не выдержал:

— Виктор, вы много курите. Вам это противопоказано. Нужно бросать.

— Виктор, вы много курите. Вам это противопоказано. Нужно бросать.

— Пробаааат, — протянул Прокурин и как-то саркастически ухмыльнулся, — всё правильно.

— Это ваша работа — нам про вредности рассказывать. Только зачем?

Он неожиданно повернул голову и впервые посмотрел мне в глаза.

— Это же яд. Вы не смотрите на меня, я не пример для подражания. Сигарета не красит человека, тем более врача. Сам об этом ещё успею пожалеть. Поверьте мне. А вам с вами

болячками нужно бросать срочно.

— Да я не об этом, — строго сказал пациент и опять отвернулся ко мне. — Я не в смысле оправдываться, не хотите обследоваться, не хотите даже элементарные анализы сдать. Могу сказать, что тут дело не в даче и не в физической перегрузке.

У вас явные нарушения в работе свертывающей системы крови. И вид нездоровий какой-то, и цвет лица...

— Доктор, не надо! — перебил Прокурин и вновь посмотрел мне в глаза. — Не выбирайте слов, не аккуратничайте, я же вижу, что вы все сами понимаете. Как